

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-11-17

УДК 811.352.3' 36

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ И ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Кумыкова Д.М., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т.

В статье исследуются местоимения кабардино-черкесского языка в аспекте теории переходности. При рассмотрении субстантивации местоимений выделяются два типа: функциональный, как чисто грамматический процесс, и функционально-семантический, предполагающий изменение в дейктической семантике местоимений и переход к номинативной функции. Отмечается, что условия для субстантивирования местоимений появляются в тех случаях, когда они выступают в несвойственных им позициях: самостоятельно, в одиночной позиции или в согласовании с признаковыми словами. Выявлено, что притяжательные местоимения дыдей (наш), фыфей (ваш), сысей (мой), ууей (твой, свой), выступающие с аффиксом множественности –хэ-, в типичных субстантивных позициях подлежащего или дополнения, приобретают следующие значения: «группа, команда, сторона в состязании», «семья, родственники, близкие люди», «супруг, супруга». Определительное местоимение езы (сам), субстантивируясь, актуализирует предметное значение «начальник, хозяин, глава, влиятельное лицо», «муж». Определительное местоимение псо (псори) (все, всё) при субстантивации, сохраняя значение обобщения, развивает дополнительную сему лица или предметов и выступает в значении «в полном составе, без исключения».

Делается вывод о том, что разряды притяжательных и определительных местоимений, которые ближе других стоят к признаковым словам, в большей степени проявляют активную способность к субстантивированию. Субстантивация притяжательных и определительных местоимений проходит по функционально-семантическому типу и сопровождается изменениями в семантической структуре.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык; части речи; местоимение; переходность; субстантивация.

SUBSTANTIVIZATION OF ATTRIBUTIVE AND POSSESSIVE PRONOUNS IN KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE

Kumykova D.M., Kumykova (Guchapsheva) E.T.

The article investigates the pronouns of Kabardian – Circassian Language in terms of the theory of transition. When considering substantivized pronouns we distinguish between two types of substantivization: functional, as a purely grammatical process, and functional-semantic as suggesting a change in the deictic pronoun semantics and transition to the nominative function. It is noted that the conditions for pronouns' substantivization appear in cases when they act as those in non-core positions: independently, in a single position, or in concordance with the attributes. We have revealed that the possessive pronouns dydey (our), fyfey (your), sysey (my), uuey (yours, your) when used with the plural affix -he-, in the typical substantive positions of the subject or object acquire the following meanings: «a group, team, side in the competition», «a family, relatives, close friends», «a husband, a wife». Attributive pronoun yezy (himself), when undergoing substantivization, actualizes the substantive meaning of «a chief, boss, head, influential person», «a husband». Attributive pronoun pso (psory) (all, everyone) when being substantivized and while preserving the value of generalization, develops additional senses of person or objects and actualizes the meaning «in full, without an exception».

It is concluded that possessive and attributive pronouns, which are closest to the attributes, display stronger ability for active substantivization. Substantivization of attributive and possessive pronouns undergo the functional-semantic type and is accompanied by changes in their semantic structure.

Keywords: *Kabardian-Circassian Language; parts of speech; pronoun; transitivity; substantivization.*

Общие замечания

Своеобразие категориального значения местоимений, заключающееся в отсутствии в их семантической структуре конкретного лексического значения, ставит их в особое положение в системе частей речи. Так, по мнению Н.Ю. Шведовой, «комплекс смысловых абстракций, сосредоточенных в классе местоимений, вступает в противоречие с формальной унификацией, обязательно присущей тем классам слов, которые традиционно называются «частями речи» [14, с. 8]. Противоречивое положение местоимений в системе языка отмечал и В.В. Вино-

градов: будучи, с одной стороны, «указательными словами», с другой стороны, они являются словами «субъективно-объективными» [2, с. 260], что позволяет им приобретать предметный тип сочетаемости. В.В. Бабайцева, рассматривая местоимения в составе знаменательных слов, считает, что они связаны явлениями переходности с несколькими частями речи, обладают синкретичными свойствами и занимают промежуточное положение между знаменательными и служебными словами [1, с. 317].

В кабардино-черкесском языке, как и в русском, местоимения выделяются в самостоятельную часть речи, которую образует немногочисленная группа слов, объединяющихся в личные, указательные, притяжательные, вопросительные, определительные и неопределенные местоимения. Отсутствует разряд отрицательных местоимений, известный русскому языку: отрицание выражается синтетически в глаголе [6, с. 76].

Основной функцией местоимений является дейктическая функция – указание на предметы, признаки, количество, что предполагает абстрактность собственной семантики. В то же время, следует отметить, что абстрактность семантики местоимений проявляется только на уровне языка. В процессе порождения и восприятия речи местоимения могут получать вполне конкретное лексическое наполнение. Как отмечал Л.Ю. Максимов, «самые абстрактные в языке слова – местоимения – в речи, в конкретном предложении, в конкретной ситуации становятся самыми определенными словами» [12, с. 24]. Отсутствие собственной семантической наполненности наряду с дейктическими функциями класса местоимений обуславливает при наличии определенных контекстуальных условий возможность перехода образующих его единиц в другие грамматические классы.

Соглашаясь с В.В. Бабайцевой, считающей, что «местоимения как лексико-грамматический класс на всех ярусах их функционирования пронизывает проявление свойств переходности» [1, с. 137], в настоящей статье мы рассмотрим кабардино-черкесские местоимения в аспекте теории переходности. Следует отметить, что с обозначенных позиций данный класс слов ранее не исследовался. Отдельные работы, посвященные кабардино-черкесским местоимениям, осуществляют их общий анализ в сравнительно-типологическом плане [9; 11; 15]. Интерес современной лингвистики к проблемам синхронной переходности обуславливает актуальность подобного исследования.

Цель настоящей работы – исследование субстантивации притяжательных и определительных местоимений кабардино-черкесского языка, которые в условиях речевого функционирования проявляют способность к изменению морфологических характеристик и синтагматических свойств по типу существительного.

Известно, что субстантивация наиболее ярко представлена в сфере признаков слов – прилагательных и причастий. В то же время процесс субстантивации, заключающийся в осмыслении «свойств, признаков, процессов в качестве предметных сущностей в процессе порождения и восприятия речи», может распространяться и на другие части речи. По меткому замечанию И.Ю. Граневой, «язык располагает средствами, позволяющими все что угодно представить как предмет и включить его в этом качестве в структуру мысли о мире, в процесс концептуализации мира» [5, с. 49].

Рассматривая субстантивацию местоимений как частное проявление транспозиции [7], считаем возможным говорить о двух типах субстантивации – функциональном и функционально-семантическом, при которых образуются субстантивированные формы, вступающие в отношения функциональной и функционально-семантической омонимии с исходными формами [10, с. 137]. Функциональная субстантивация представляет собой чисто грамматический процесс, когда местоимение в определенных контекстуальных условиях меняет типичную синтаксическую функцию и сочетаемостные характеристики, но сохраняет свою «местоименную», то есть дейктическую семантику. При функционально-семантической субстантивации в условиях нетипичного употребления местоимения происходит изменение в его дейктической семантике и переход к номинативной функции.

Условия для субстантивирования местоимений появляются в тех случаях, когда они, выполняя синтаксические функции существительных – грамматического подлежащего, дополнения, а в некоторых случаях, обращения, – выступают в несвойственных им позициях: самостоятельно, в одиночной позиции или в согласовании с признаковыми словами. При этом в семантической структуре местоимения на фоне ослабления семы указательности происходит актуализация семы предметности.

Притяжательные (посессивные) местоимения. Субстантивация притяжательных местоимений в кабардино-черкесском языке носит ситуативный характер (то есть происходит в условиях различных речевых ситуаций) и сопровождается изменениями в семантической структуре. В результате функционально-семантической субстантивации притяжательных местоимений *дыдей* (наш), *фыфей* (ваш) дейктическая функция переходит в номинативную, «сема принадлежности расширяется и формируется значение общности, включения» [3, с. 324].

Притяжательные местоимения *дыдей* (наш), *фыфей* (ваш), выступающие с аффиксом множественности *-хэ-*, в типичных субстантивных позициях подлежащего или дополнения, приобретают ситуативное значение группы, команды, стороны в состязании, за которую «болеют»

[4, с. 102]: *Дыдейхэм япэ увыпIэр яIыгъыц.* – **Наши** держат первенство. *Джэгур жыджэру ирагъэжыа пэтми, зэIуцIэм и япэ Iыхьэм дыдейхэр къыхэжаныкIыфакъым.* – Хотя игра начиналась активно, в первом тайме **наши** не смогли отличиться.

Притяжательные местоимения *сысей* (мой, свой), *ууей* (твой, свой), *дыдей* (наш), *фыфей* (ваш), выступая в одиночной позиции, без косвенного объекта, в роли подлежащего или дополнения, актуализируют значение предметности со значением «семья, родственники, близкие люди» [13, с. 64, 65]. Существенно, что формированию данного значения способствует проявление обобщенности, которая выражается грамматически с помощью аффикса множественного числа -хэ: *Дыдейхэр (сысейхэр) дыгъуасэ къэсыжащ.* – **Наши (мои)** вчера прибыли. *Фыфейхэм (ууейхэм) схуехъуэхъуж!* – Поздравь от меня **ваших (твоих)**.

В качестве формального признака субстантивации выступает синтаксическое поведение субстантивированного местоимения. По справедливому замечанию Е.С. Кубряковой и В.А. Гуреева, «синтаксическое поведение слова – это проявление его семантики» [8, с. 34]. Так, субстантивированное местоимение может выступать как определяемое слово в сочетании с определительным местоимением: *Дыдейхэр псори дыгъуасэ къэсыжащ.* – **Все наши** вчера прибыли. Появление местоимения дыдейхэр в сочетании (*яIыцыц куэд* (многие из), характерной для существительных (*многие из детей – сабийхэм яIыцыц куэд*), также является свидетельством его субстантивации: *Дыдейхэм яIыцыц куэд хэIуэдащ а зауэихуэм.* – **Многие из наших** погибли в той войне.

Притяжательное местоимение *ууей* (твой, свой) с аффиксом множественного числа -хэ при субстантивации обозначает подчиненных и домашних. Дифференциация этих значений – контекстуальная: *Ууейхэр гъуэльыжа?* – **Твои** уже легли спать? *Ууейхэр нэхъ жьбыуэ быутIытцыжа?* – Ты **своих** пораньше отпустил? В последнем предложении указанные значения не дифференцированы. Интересно, что в тексте, приближенном к паремиологическому, то есть отражающем обобщенную формально закрепленную ситуацию, местоимение *ууей* (твой, свой) и без аффикса множественного числа -хэ сохраняет значение обобщения: *Ууейм хуэбгъэгъу псори, хамэм хуэбгъэгъуфынукъым.* – Не все, что можешь простить **своему**, простишь чужому. В условиях пословичного текста субстантивация собственно сама выступает как одно из средств достижения обобщенности (*Бей своих, чтобы чужие боялись*). Как видно из примеров, субстантивированное местоимение *ууей* (твой, свой) включается в антонимическую пару *свой – чужой*: *ууей* (твой, свой) – *хамэ* (чужой).

Субстантивированное местоимение *дыдей* (наш) в кабардино-черкесской речи может употребляться в значении «супруг». Интересно, что в русской разговорной речи, по наблюдениям

И.В.Высоцкой, актуализация посессивности обуславливает употребление вместо слова муж местоимения мой [3, с. 324]. В отличие от русского языка использование посессивного местоимения *сысей* (мой) для обозначения слова *муж* в речи носителей кабардино-черкесского языка недопустимо с точки зрения традиционной адыгской этики общения, накладывающей ограничения на прямое выражение отношений принадлежности при упоминании супруга / супруги. В то же время допустимо употребление в данной роли местоимения *дыдей* (наш), так как оно в плане содержания не конкретизирует посессора (в нашем случае – говорящую): здесь в посессивные отношения может быть включено больше объектов экстралингвистической действительности – семья, дети, род и т.п. (*Дыдейри къэсыжащи, сонлауIэ. – Наш* тоже вернулся и я тороплюсь).

Обязательное табуирование имени супруга / супруги и избегание упоминания в речи сочетания *си ичхэгъусэ* «мой супруг/ моя супруга» приводит к использованию слов и словосочетаний, замещающих понятия супруг / супруга. Так, наряду с притяжательным местоимением *дыдей* (наш) в значении «муж» говорящая скорее использует указательное местоимение *мо* (тот), подчеркивая некоторую отчужденность, отстраненность, или определительное местоимение *езы* (сам), демонстрируя определенный пиетет к неназываемому объекту: *Мор къыщIыхъэмэ дызэпсэлъэниц. – Тот* (=муж) зайдет – поговорим. *Езым зэрыжиIэц. – Как сам* (=муж) скажет.

Еще большее ограничений связано с указанием на супругу: информирующий, проявляя максимальную отстраненность, избегает использования посессивных местоимений *моя* (*сысей*), *наша* (*дыдей*). В значении жена, как правило, употребляются указательные местоимения *мо* (та, она), *мы* (эта), а также сочетания *а уэ ицIэр* (дословно – та, которую ты знаешь), *унэм ицIэсыр* (дословно – сидящая дома, хозяйка дома), *сабийхэм я анэр* (мать детей) и др.: *Мобы едгъэщIакъым иджыри. – Мы* еще не сообщили *ей* (=жене). *Унэм ицIэсым къыфхуэкIуэну зегъэхъэзыр. – Сидящая дома* (=жена) собирается прийти к вам.

Определительные местоимения в кабардино-черкесском языке отличаются свободой выбора позиции в сочетании с определяемым, что связано с передачей различных оттенков значений. Местоимение *езы* (сам) в препозитивном употреблении дает оценку определяемому (*езы ицIалэр* – сам юноша), в постпозиции, получая падежные форманты и «приобретая большую самостоятельность, стремится само выполнять функции подлежащего или дополнения» (*ЩIалэм езым сочиненэ итхащ. – Юноша сам* написал сочинение. *ЩIалэм сочиненэ езым итхащ. – Юноша* написал сочинение *сам*) [6, с. 452-453]. Употребляясь в одиночной позиции (без зависимого слова), местоимение *езы* (сам) субстантивируется, актуализируя предметное

значение «начальник, хозяин, глава, влиятельное лицо» и, как было отмечено выше, значение «муж»: *Езым и гум урихъаиц, къыпцытхъуаиц. – Самому ты понравился, он хвалил тебя; Езыр къоджэ – Сам вызывает.*

Определительное местоимение *псо (псори)* (все) также может занимать в словосочетании как препозицию, так и постпозицию. В первом случае оно предполагает конкретность, известность определяемого, во втором – обобщает определяемый компонент [6, с. 453]: *Псори цлалэхэр клубым цлыхъаиц* (Парни все зашли в клуб) – *Цыху псори зэхуэдэкъым* (Не все люди одинаковы).

В одиночном употреблении местоимение *псо (псори)* (все), сохраняя значение обобщения, развивает дополнительную сему лица или предметов и выступает в значении «в полном составе, без исключения». При этом происходит своеобразное сжатие информации: *цыху* (люди) + *псори* (все) = *псори* (все) (*Псори зэбгрыкыжаиц. – Все разошлись. Укыщальхуам псори гуфлаиц, уцылэжкIэ зыхуэбгъагъыжыфмэ. – Когда ты родился, все радовались, но сможешь ли ты стать достойным оплакивания после смерти.*), *флыгъуэ* (богатства) + *псори* (все) = *псори* (всё) (*Зы махуэм псори уилэ нэхърэ, мацIэми, махуэ къэс зыгуэр бгъуэтмэ, нэхъыфIуц. – Чем иметь всё в один день, лучше иметь понемногу, но каждый день.*)

Следует также отметить, что при постпозитивном сочетании с прилагательным местоимение *псори* (все), придаёт определяемому компоненту – прилагательному – значение обобщенности, что, предполагая некую множественность объектов, способных обладать указанным признаком, способствует актуализации предметного значения в их семантике: *Дахэ псори дахэкъым. – Не все красивое красиво. Гъуабжэ псори мыщэкъым. Лыд псори дыщэкъым. – Не все бурое – медведь. Не все блестящее – золото.* Таким образом, можно предположить, что в постпозитивном употреблении местоимение *псори* (все) выступает для прилагательных субстантивирующим фактором.

Выводы

В системе кабардино-черкесского местоимения разряды притяжательных и определительных местоимений, которые ближе других стоят к классу признаковых слов, в большей степени проявляют активную способность к субстантивированию.

Субстантивация притяжательных и определительных местоимений проходит по функционально-семантическому типу и сопровождается изменениями в семантической структуре.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка: Монография. – М.: Дрофа, 2000. 640 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). – М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
3. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. 452 с.
4. Гайнутдинова А.Ф. Семантико-тематическая характеристика субстантивированных местоимений в разноструктурных языках: сопоставительный аспект (на материале русского и татарского языков) // Филология и культура. 2011. № 24. С. 101-105.
5. Гранева И.Ю. О субстантивации личного местоимения мы // В.А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: труды и материалы Международной научной конференции (Казань, 4-7 мая 2007 года). – Казань, 2007. С. 49-51.
6. Кабардино-черкесский язык. Т. 1. – Нальчик, 2006. 550 с.
7. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. – Ташкент, 1978.
8. Кубрякова Е.С., Гуреев В.А. Конверсия в современном английском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. №2. С. 33-38.
9. Кумахов М.А. Местоимение в адыгских языках в сравнительном освещении // Ученые записки КБНИИ. – Нальчик, 1957. Т. 12. С. 93-120.
10. Кумыкова Д.М. К вопросу субстантивации прилагательных в кабардино-черкесском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 4. С. 136-140.
11. Мазова З.Ч. Сопоставительно-типологический анализ местоимений в русском и кабардино-черкесском языках: Дис...канд. фил. наук. – Майкоп, 2000.
12. Максимов Л.Ю. Обособление присубстантивных косвенных падежей существительных // Русский язык в школе. 1962. № 5. С. 23-29.
13. Миллионщикова О.П. Субстантивация притяжательных местоимений // Переходность и синкретизм в языке и речи: межвуз. сб. науч. тр. – М.: Прометей, 1991. С. 61-69.
14. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. Т. 1.
15. Эжба Н.Б. Сравнительная характеристика русских и кабардинских местоимений // Родной и русский языки в школах народов Северного Кавказа. – М., 1955. С. 38-63.

References

1. Babajceva V.V. *Javlenija perehodnosti v grammatike russkogo jazyka* [Transitional Phenomenon in Russian Grammar]. – Moscow, 2000. 640 p.
2. Vinogradov V.V. *Russkij jazyk: (Grammaticeskoe učenje o slove)* [The Russian Language (grammatical doctrine of the word)]. – Moscow, 1986. 640 p.
3. Vysockaja I.V. *Sinkretizm v sisteme chastej reči sovremennogo russkogo jazyka* [Syncretism in the Parts of Speech of the Modern Russian Language]. – Moscow, 2006. 452 p.
4. Gajnutdinova A.F. *Filologija i kul'tura* [Philology and culture]. no. 24 (2011): 101-105.
5. Graneva I.Ju. *V.A.Bogorodickij: nauchnoe nasledie i sovremennoe jazykovedenie: trudy i materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [V.A.Bogorodickij: scientific heritage and modern linguistics: proceedings and materials of the International scientific conference (Kazan', 4-7 may 2007)]. – Kazan', 2007. Pp. 49-51.
6. *Kabardino-čerchesskij jazyk* [Kabardian – Circassian Language]. – Nal'čik, 2006. Vol. 1. 550 p.
7. Kim O.M. *Transpozicija na urovne chastej reči i javlenie omonimii v sovremennom russkom jazyke* [Transposition at Parts of Speech Level of and the Phenomenon of Homonymy in Modern Russian language]. – Tashkent, 1978.
8. Kubrjakova E.S., Gureev V.A. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Bulletin of the Voronezh state University. Series: Linguistics and intercultural communication]. no. 2 (2002): 33-38.
9. Kumahov M.A. *Učenyje zapiski KBNI* [Scientific notes of the Kabardian-Balkarian Science and Research Institute]. – Nal'čik, 1957. Vol. 12. Pp. 93-120.
10. Kумыkova D.M. *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of the Kabardian-Balkarian Scientific centre of the RAS], no. 4 (2011): 136-140.
11. Mazova Z. Ch. *Sopostavitel'no-tipologičeskij analiz mestoimenij v russkom i kabardino-čerchesskom jazykah* [Comparative and Typological Analysis of Pronouns in Russian and Kabardian-Circassian Language]. – Majkop, 2000.
12. Maksimov L.Ju. *Russkij jazyk v shkole* [Russian language at school]. no. 5 (1962): 23-29.
13. Millionshnikova O.P. *Perehodnost' i sinkretizm v jazyke i reči: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Transitivity and syncretism in language and speech: interuniv. sat. of scientific p.]. – Moscow, 1991. Pp. 61-69.

14. *Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij* [Semantic Russian Dictionary. Dictionary, Systematized on Classes of Words and Meanings]. – Moscow: Azbukovnik, 1998. Vol. 1.
15. Jekba N.B. *Rodnoj i russkij jazyki v shkolah narodov Severnogo Kavkaza* [Native and Russian language in the schools of the North Caucasus]. – Moscow, 1955. Pp. 38-63.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Кумыкова Дина Мухарбиевна, ученый секретарь, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка, кандидат филологических наук, доцент

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

ул. Пушкина, д. 18, г. Нальчик, 360000, Россия

E-mail: dina07-09@mail.ru.

Кумыкова (Гучапшева) Элина Тугановна, кандидат филологических наук, доцент

Кабардино-Балкарский государственный университет

ул. Чернышевского, д. 173, г. Нальчик, 360004, Россия

DATA ABOUT THE AUTHORS

Kumykova Dina Mukharbievna, academic secretary, senior researcher of the Kabardian-Circassian Language Department, Candidate of Philology, associate professor

Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research

18, Pushkin street, Nalchik, 360000, Russia

E-mail: dina07-09@mail.ru

Kumykova (Guchapsheva) Elina Tuganovna, Candidate of Philology, associate professor

Kabardian-Balkarian State University

173, Chernyshevskiy street, Nalchik, 360004, Russia